ВЫСОЧАЙШЕ учрежденное при Министерствѣ Юстиціи Особое Совѣщаніе для выясненія вопроса о русскихъ государственныхъ національныхъ цвѣтахъ.

СК
113

О ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХЪ ЗНАМЕНАХЪ

ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ

О

ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЦВѢТАХЪ

ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Ю. В. АРСЕНЬЕВА.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
СЕНАТСКАЯ ТИПОГРАФІЯ
1911.

О ГЕРАЛЬДИЧЕСКИХЪ ЗНАМЕНАХЪ ВЪ СВЯЗИ СЪ ВОПРОСОМЪ О ГОСУДАРСТВЕННЫХЪ ЦВѢТАХЪ ДРЕВНЕЙ РОССІИ.

Ю. В. Арсеньева.

Научное понятіе о гербѣ включаетъ въ себѣ не только геральдическій щитъ и шлемъ съ его аттрибутами, но также и *геральдическое знамя*. Спеціальныя сочиненія по геральдикѣ упоминаютъ въ своихъ опредѣленіяхъ этой науки наравнѣ съ гербовыми щитами и шлемами, имѣющими болѣе личный характеръ, также знамена, банніеры и значки, значеніе которыхъ преимущественно государственное, національное и родовое. Старые геральдисты, какъ напр. *Ménéstrier*, *Gastelier de la Tour* и анонимный составитель геральдической части большой французской энциклопедіи XVIII вѣка (*Encyclopédie méthodique*) даютъ слѣдующее опредѣленіе герба: „*marques d'honneur qu'on porte sur les enseignes et drapeaux pour distinguer les nations et les races, et sur les écus pour distinguer les familles nobles*“. Такимъ образомъ въ область геральдики вводится изученіе всевозможныхъ знаменъ, значковъ, хоругвей и праповоровъ, которые носятъ на себѣ какіе либо геральдическіе цвѣта, или эмблемы, служа при этомъ символами государства, отдѣльной территоріи, или же рода, фамиліи, корпораціи и т. под.

Геральдика, какъ культурное явленіе, относится къ христіанской эпохѣ и появляется въ Европѣ въ Средніе вѣка.

Поэтому въ геральдическомъ смыслѣ для насъ наибольшій интересъ представляютъ тѣ памятники символическаго характера, которые принадлежатъ средневѣковой Европѣ, и это даетъ намъ право при изученіи геральдическихъ знаменъ не углубляться въ отдаленнѣйшую эпоху языческой древности. Мы начнемъ нашъ обзоръ этихъ знаменъ съ Византіи, имѣвшей, какъ извѣстно, столь значительное вліяніе на культуру Западной Европы, а также и Россіи въ Средніе вѣка. Въ Восточной Римской Имперіи со временъ Константина Великаго государственною эмблемою, какъ бы гербомъ, принята была монограмма Христа въ видѣ греческой буквы Х, изображавшейся или въ въ видѣ скошеннаго (Андреевскаго) креста, или же прямаго креста, соединеннаго съ буквою Р, откуда получались знаки и Подобные знаки встрѣчаются на византійскихъ монетахъ: они же украшаютъ и знамена древнихъ императоровъ Византіи. При Іоаннѣ Цимисхіи (въ X-мъ вѣкѣ) такіе же знаки стали изображаться на монетахъ и знаменахъ съ добавленіемъ небольшихъ кружковъ по концамъ креста, или же въ видѣ колеса, включающаго въ себѣ крестъ и букву Х. При Императорѣ Юстиніанѣ та-же монограмма Христа встрѣчается и на государственномъ щитѣ Византіи, какъ это можно видѣть на одномъ мозаичномъ изображеніи той эпохи, сохранившемся въ Равеннѣ.

Знамена были вообще въ большомъ употребленіи въ Византіи, какъ различительные символы для войска, а также и при дворѣ императоровъ. Для этой цѣли они получали различную окраску, форму и изображенія. Такъ при императорѣ Львѣ X Армянинѣ (813—820 г.) издано было повелѣніе, которымъ введена была въ войскахъ цѣлая согласованная система знаменъ и значковъ.

По этой системѣ большія знамена (Βάνδον) главныхъ войсковыхъ частей имѣли верхнюю половину одинаковаго для всѣхъ цвѣта и различались только въ нижней своей половинѣ особыми изображеніями. Меньшія же войсковыя части имѣли небольшія значки (на шестахъ) различныхъ цвѣтовъ и съ разными эмблемами и притомъ съ длинными косицами (Φλάμουλον).

Отсюда явствуетъ, что эти знамена и значки, различав-

шіеся установленными для нихъ цвѣтами и эмблемами, уже имѣли нѣкоторый геральдическій характеръ. Подобная же система флаговъ примѣнялась и на военныхъ корабляхъ Византіи той эпохи [1]). Что же касается придворныхъ торжествъ, то и здѣсь большую роль играли знамена. При богослуженіяхъ, происходившихъ въ Царьградѣ въ присутствіи императоровъ, существовалъ обычай, при выходѣ послѣднихъ изъ храма, по окончаніи службы выносить предъ ними цѣлый рядъ знаменъ, большая часть которыхъ была украшена священными изображеніями.

Впереди императора шествовалъ при этой церемоніи его знаменосецъ. Онъ несъ императорское знамя о двухъ косицахъ, такъ наз. διαβέλλιον, на которомъ изображенъ былъ св. крестъ съ четырьмя исходящими изъ него лучами. За императоромъ слѣдовали знамена деспотовъ и архонтовъ и, наконецъ, демарховъ, имѣвшія каждое свои отличительные признаки. Кромѣ того, при этихъ церковныхъ церемоніяхъ выносились при окончаніи богослуженія предъ императоромъ двѣнадцать главныхъ знаменъ, по два каждаго рода, попарно, а именно слѣдующія: государственное знамя, знамя о 8-ми косицахъ съ изображеніями прославленныхъ церковью святыхъ; далѣе крестовое съ изображеніями четырехъ мучениковъ: свв. Димитрія, Прокопія и двухъ Ѳеодоровъ; знамя св. великомученика Георгія на конѣ, знамя съ коннымъ изображеніемъ Императора и, наконецъ, такъ наз. *драконовое* (δρακόντειον Φλάμουλον). Этотъ послѣдній типъ знамени имѣлъ свою особую легенду. По преданію, оно заимствовано было Киромъ отъ Ассирійцевъ и было въ употребленіи у Персовъ до Дарія. Побѣдившій этого послѣдняго Александръ Македонскій передалъ эту эмблему на знамени Македонскому царству, а при покореніи послѣдняго Римлянами драконовое знамя перешло и въ римскія войска. Народы Востока продолжали почитать императоровъ Византіи (Восточной Рим-

[1]) По словамъ Кодина, главный начальникъ флота носилъ на мачтѣ своего корабля флагъ съ изображеніемъ Императора на конѣ; подчиненные же ему флотоводцы имѣли обыкновенный императорскій флагъ съ изображеніемъ креста и четырьмя исходящими изъ него лучами.

ской Имперіи), какъ преемниковъ Александра, почему послѣдніе и сохраняли наравнѣ съ другими, и эту эмблему дракона на своихъ знаменахъ.

Относительно древней государственной эмблемы Римской Имперіи—одноглаваго орла слѣдуетъ замѣтить, что въ качествѣ таковой онъ сохранялся впослѣдствіи только на Западѣ; въ Византіи же не имѣлъ уже такого преобладающаго значенія. Одноглавые орлы, правда, еще встрѣчаются на царскихъ одѣяніяхъ императоровъ Византіи и высшихъ ея сановниковъ, но скорѣе въ видѣ геральдическаго украшенія [1]), тогда какъ государственною эмблемою, или гербомъ здѣсь издавна становится орелъ *двуглавый*. Не представляется возможнымъ, по скудости историческихъ данныхъ по этому вопросу, установить съ точностью, когда именно двуглавый орелъ появился на государственномъ знамени Византіи. Различны также мнѣнія о происхожденіи этой эмблемы. Такъ указывалось, что эмблема двуглаваго орла съ древнѣйшихъ временъ существовала на Востокѣ и даже встрѣчается въ древнемъ Египтѣ (на сфинксѣ) и на древне-ассирійскихъ памятникахъ. Находили также подобныя изображенія, высѣченными на скалахъ въ Каппадокіи и относящіяся къ VII в. до Р. Х.

Позднѣе двуглавые орлы встрѣчаются и на арабскихъ монетахъ Зенгидовъ и Ортохидовъ съ XII по XIV в. Особенно типиченъ и близокъ къ византійскому двуглавый орелъ на монетѣ Мелекъ-асъ-Салаха (Аль-Камиля) съ датою 1200 года, съ которымъ императоръ Германскій Фридрихъ II заключилъ въ 1224 году мирный договоръ въ Діарбекирѣ [1]). Заслуживаетъ особеннаго вниманія, что совершенно схожаго съ этимъ типомъ двуглаваго орла мы встрѣчаемъ на печати императора Германскаго Фридриха III, хранящейся въ Ахенѣ и относящейся къ 1450 году, когда двуглавый орелъ уже

---

[1]) См. Кодина-Куропалата. Объ обрядахъ Константинопол. двора и чинахъ Великой церкви гл. 3.

[1]) Ad. de Beaumont. Recherches sur l'origine du Blason. Paris. 1855. pl. IX p. 50.

былъ принятъ императоромъ Сигизмундомъ, какъ гербъ Священной Римской Имперіи.

Возникаетъ интересный вопросъ, изъ Византіи ли, или же отъ Сарацынъ въ эпоху Крестовыхъ походовъ перешелъ на Западъ двуглавый орелъ, сдѣлавшійся съ XV-го вѣка символомъ Священной Римской Имперіи?

На этотъ вопросъ можно отвѣтить, что происхожденіе эмблемы двуглаваго орла съ Востока не подлежитъ сомнѣнію. Что же касается предложеннаго нѣкоторыми толкованія этой эмблемы, какъ символическаго изображенія объединенія обѣихъ частей Римской Имперіи, Восточной и Западной, то таковое исторически непріемлемо, ибо двуглавый орелъ, какъ государственная эмблема, появился въ Византіи не раньше V вѣка, при императрицѣ Пульхеріи, т. е. уже послѣ распаденія имперіи Константина Великаго. На мраморномъ рельефѣ, найденномъ въ основаніи монастыря Симену на Аѳонѣ, построеннаго этою императрицей, имѣется изображеніе двуглаваго орла.

Болѣе вѣроятнымъ является другое толкованіе, по которому двуглавый орелъ принимался, какъ символъ бдительности въ защитѣ государства отъ внѣшнихъ враговъ. Въ такомъ смыслѣ по крайней мѣрѣ онъ истолковывался на Западѣ [2]). Возвращаясь къ обзору византійскихъ знаменъ, намъ остается отмѣтить, что двуглавый орелъ, какъ государственная эмблема, встрѣчается на монетахъ императора Мануила III Комнена (1390—1417), чеканенныхъ въ Трапезунтѣ; отсюда можно заключить, что онъ изображался въ то время и на знаменахъ Имперіи. Другой памятникъ той же эпохи, сохранившій изображенія упомянутыхъ двухъ геральдическихъ эмблемъ Византіи, т. е. св. креста и двуглаваго орла былъ найденъ Кеппеномъ на южномъ берегу Крыма, близъ Инкермана, гдѣ въ XV вѣкѣ еще удержались владѣтельные князья Манкупскіе, изъ императорскаго рода Комненовъ, удалившіеся въ Крымъ послѣ взятія Царьграда крестоносцами въ 1204 году. Памятникъ этотъ—камень съ греческою надписью

---

[2]) Seyler. Geschichte der Heraldik II. 3. p. 186.

увѣковѣчивающею имя храмоздателя, топарха Алексія, и относится къ 1427 году. По краямъ этой надписи высѣчены два щита съ изображеніями креста и двуглаваго орла [1]). Наконецъ, имѣемъ еще одно историческое свидѣтельство изъ эпохи Палеологовъ, подтверждающее тотъ фактъ, что упомянутыя двѣ геральдическія эмблемы признавались государственными въ Византійской Имперіи до самаго ея паденія. На замѣчательномъ барельефѣ начала XV вѣка, сохранившемся на бронзовыхъ воротахъ древней базилики св. Петра въ Римѣ, находятся изображенія различныхъ эпизодовъ изъ исторіи Флорентійскаго собора, исполненныя современникомъ его. Между таковыми представлена сцена отплытія императора Іоанна VIII Палеолога изъ Царьграда въ Италію. Здѣсь мы видимъ изображеніе 24-хъ весельной императорской галеры, на кормѣ которой устроено нѣчто въ родѣ царскаго шатра, украшеннаго большимъ двухглавымъ орломъ на его боковой сторонѣ. Надъ шатромъ укрѣпленъ крестъ и развѣвается императорскій штандартъ съ двумя косицами (διαβέλλιον), на которомъ можно различить традиціонный символъ императоровъ—св. животворящій крестъ. На носу галеры развѣвается второй флагъ, удлиненной формы, съ одною лишь косицею и на этомъ послѣднемъ (брейдъ-вымпелѣ, по современному термину), изображенъ уже не крестъ, а государственный двуглавый орелъ, какъ и на царскомъ шатрѣ [2]). Приведенныхъ нами фактовъ, кажется, достаточно, чтобы установить существованіе въ Византіи съ древнѣйшихъ временъ двухъ постоянныхъ государственныхъ эмблемъ, изображавшихся какъ на знаменахъ, такъ и на монетахъ, печатяхъ и другихъ памятникахъ, а именно: св. креста, соединявшагося иногда съ монограммою Христа, и двуглаваго византійскаго орла. Первая эмблема имѣла болѣе личный характеръ и носилась на императорскомъ штандартѣ, вторая—болѣе госу-

---

[1]) См. Нѣсколько словъ о родѣ греческихъ князей Комниныхъ М. 1854 стр. 16.

[2]) См. гр. Хрептовичъ-Бутенева: Флоренція и Римъ въ связи съ двумя событіями изъ русской исторіи т. VII Зап. М. Арх. Института 1910 стр. 14 21.

дарственный и помѣщалась на главномъ знамени Имперіи. И та, и другая эмблемы впослѣдствіи преемственно перешли къ намъ въ Россію изъ Византіи, при бракосочетаніи Іоанна III съ наслѣдницею византійскихъ императоровъ Софіей Палеологъ [1]).

Переходя къ культурной исторіи Западной Европы, мы встрѣчаемъ здѣсь въ раннюю средневѣковую эпоху весьма древній обычай, по которому актъ передачи ленныхъ или владѣльческихъ правъ на землю совершался съ соблюденіемъ извѣстныхъ церемоній, сопровождаясь особыми внѣшними знаками, или символическими дѣйствіями.

Уже Григорій Турскій въ своей хроникѣ, написанной около 613 г., приводитъ подобный примѣръ, относящійся къ его времени. Король Гунтхрамнъ, сообщаетъ онъ, передавая свои права на владычество королю Хильдеберту, вручилъ послѣднему свое копье со словами: „пусть оно будетъ знакомъ, что я передалъ тебѣ въ наслѣдственное владѣніе все мое царство“. Подобнымъ же образомъ императоръ германскій Генрихъ Святой, по свидѣтельству лѣтописца Дитмара, передалъ въ 1004 году своему зятю, графу Генриху Лютцельбургу герцогство Баварію со врученіемъ *символическаго копья (cum hasta signifera)*. Оба приведенные примѣра доказываютъ, что указанный обычай неизмѣнно существовалъ въ продолженіи четырехъ столѣтій. Кромѣ того, они важны для насъ, какъ древнѣйшія указанія на зачатокъ такъ наз. *леннаго знамени (Lehnsfahne)*, которое получило впослѣдствіи, въ феодальную эпоху Среднихъ вѣковъ столь значительное примѣненіе. Здѣсь слово *signum* обозначаетъ значекъ, или небольшое знамя, которое привязывалось къ копью. Тотъ-же обычай мы встрѣчаемъ и позднѣе.

При императорѣ Фридрихѣ Барбароссѣ, по словамъ его

---

[1]) Что касается *цвѣта* Византійскаго государственнаго знамени, или герба, то на этотъ счетъ не имѣется вполнѣ опредѣленныхъ указаній. Извѣстно впрочемъ, что наиболѣе *почетнымъ* государственнымъ цвѣтомъ въ Византіи признавался *красный* или *червленый*, и можно предполагать, согласуясь съ мнѣніемъ старыхъ нѣмецкихъ геральдистовъ (напр. Triet), что византійскій двуглавый орелъ изображается *черным*ъ въ *красном*ъ полѣ.

лѣтописца, епископа Фрейзингскаго Оттона, было принято символизировать присоединеніе областей: для королевствъ— чрезъ передачу меча, а для отдѣльныхъ провинцій—чрезъ передачу знамени (*„ut regna per gladium, provinciae per vexillum a principe tradantur vel recipiantur“*) [1]). Такъ напр., когда маркграфъ Генрихъ Австрійскій въ 1156 году принужденъ былъ уступить Баварское герцогство Генриху Льву, то онъ совершилъ это отреченіе чрезъ символическую передачу въ руку Императора семи знаменъ, по числу заключавшихся въ этомъ герцогствѣ графствъ. Императоръ при этомъ случаѣ тутъ-же возвратилъ ему два знамени, съ возведеніемъ маркграфства Австрійскаго въ герцогство, а остальные пять знаменъ вручилъ Генриху Льву.

Другой подобный случай изъ той же эпохи сообщаютъ намъ хроники о вручении императорскаго знамени архіепископу Кельнскому въ 1180 году на владѣніе герцогствомъ Вестфальскимъ (*„archiepiscopum portione illa ducatus suae ecclesiae vexillo imperiali solenniter investimus“*). Приведемъ наконецъ еще одинъ такой примѣръ, когда король Альфонсъ X, сынъ Фердинанда III, въ 1258 г., передавая герцогу Лотарингскому пять ленныхъ владѣній, совершилъ эту передачу подобнымъ же символическимъ образомъ, т. е. чрезъ вручение ему пяти знаменъ, по числу леновъ.

Въ поэтическихъ произведеніяхъ рыцарской эпохи, какъ напр. въ пѣсни о Роландѣ (*Ruolándes Liet*) аббата Конрада (1173—77 г.) и въ Парцивалѣ (*Parcival*) Вольфрама фонъ Эшенбаха, также весьма часто упоминается ленное знамя, какъ символъ владѣнія. Въ древнемъ сборникѣ германскаго права, извѣстномъ подъ названіемъ „*Sachsenspiegel*“, начала XIII-го вѣка, весьма опредѣленно говорится, что Императоръ даетъ лены духовнымъ князьямъ—чрезъ скипетръ, лобзаніе и кольцо, а свѣтскимъ князьямъ—чрезъ вручение леннаго знамени. Заслуживаетъ вниманія, что на приложенныхъ къ этому сборнику современныхъ изображеніяхъ мы видимъ гербо-

---

[1]) См. Seyler, Geschichte der Heraldik II. 5. Chassan. Essai sur la Symbolique du droit. p. 140.

вые щиты, а за ними ленныя знамена, причемъ эти послѣднія одноцвѣтныя, но не имѣютъ на себѣ никакихъ гербовыхъ изображеній. *Зейлеръ* заключаетъ отсюда, что до конца XIV-го вѣка въ Германіи не существовало еще такъ наз. *мѣстныхъ* гербовъ (*Landeswappen*), т. е. присвоенныхъ областямъ, городамъ, епископствамъ и другимъ феодальнымъ владѣніямъ и утвержденныхъ за ними императорскою властію. Лишь къ концу XIV вѣка расцвѣтъ геральдики, охватившій всю западную Европу, ввелъ въ обычай помѣщеніе на ленномъ знамени присвоеннаго ленному владѣнію особаго *мѣстнаго* герба. Съ XV вѣка такіе гербы получаютъ уже большое распространеніе въ западной Европѣ. Изъ раннихъ примѣровъ такихъ гербовыхъ знаменъ можно указать на ленное знамя, пожалованное въ 1495 г. императоромъ Максимиліаномъ ландграфу Вильгельму Гессенскому и носившее на себѣ соединенные гербы 5-ти его наслѣдственныхъ владѣній. Многочисленныя свидѣтельства хроникъ и рыцарскихъ грамотъ даютъ подробнѣйшія описанія такихъ пожалованій гербовыми знаменами, продолжавшихся въ Германіи до конца XVII вѣка. Послѣднимъ леннымъ знаменемъ въ Германіи было пожалованное въ 1657 г. курфирсту Фридриху Вильгельму Бранденбургскому польскимъ королемъ Яномъ-Казиміромъ на владѣніе герцогствомъ Прусскимъ; знамя это донынѣ сохраняется въ государственномъ тайномъ архивѣ въ Кенигсбергѣ. Исторія этого леннаго знамени такова. Когда послѣдній гросмейстеръ Тевтонскаго ордена въ Пруссіи, маркграфъ Бранденбургскій Альбрехтъ получилъ отъ Польскаго короля во владѣніе бывшія орденскія земли въ видѣ свѣтскаго лена, то при этомъ былъ соблюденъ исконный обычай врученія ему леннаго знамени. Изъ сохранившагося объ этомъ архивнаго извѣстія видно, что знамя это, или банніера (*Pannier*) было изъ бѣлаго холста съ изображеніемъ чернаго одноглаваго орла съ золотыми лапами, золотою короною на шеѣ и такими же полосами на обоихъ крыльяхъ. На груди орла имѣлась серебряная буква S. На обратной сторонѣ этого леннаго знамени изображался впослѣдствіи въ красномъ полѣ бѣлый орелъ королевства Польскаго. Какъ

мы уже сказали, это послѣдній примѣръ такого утвержденія лена королевскою властію чрезъ вручение знамени.

Прослѣдивъ въ главныхъ чертахъ вопросъ о происхожденіи леннаго знамени на Западѣ, постараемся опредѣлить бытовое его значеніе въ томъ примѣненіи, которое оно имѣло въ рыцарскія времена. Какъ извѣстно, между рыцарями въ западной Европѣ различались три степени: рыцарей-баннеретовъ, простыхъ рыцарей и оруженосцевъ. Изъ нихъ высшая степень—баннеретовъ (*chevalier banneret*) достигалась лишь чрезъ выдающіяся боевыя отличія, или продолжительное участіе въ войнахъ и притомъ такими рыцарями, которые имѣли подъ своимъ начальствомъ достаточное число военнаго люда. Такъ напр. во Франціи, по древнему рыцарскому установленію, требовалось для этого имѣть не менѣе 50-ти человѣкъ копейщиковъ („*le banneret doit avoir 50 lances*"). Въ средневѣковой Франціи существовалъ особый видъ *знаменнаго лена—fief banneret* (*feudum vexilli*), въ которомъ каждый обязанъ былъ службою подъ леннымъ знаменемъ, или банніерою [2]) своего сеньера. Численность боевой силы такого лена колебалась, въ зависимости отъ значительности его, отъ 10—25 рыцарей съ ихъ оруженосцами и челядью. Иногда болѣе крупные вассалы получали право имѣть въ бою свою собственную банніеру, но таковая уступала въ старшинствѣ ленному знамени главнаго сеньера. Рыцари-баннереты во Франціи впервые упоминаются при королѣ Филиппѣ—Августѣ и существовали тамъ до Карла VII, когда ихъ замѣнила регулярная конница. Въ Англіи феодальные бароны и рыцари-баннереты имѣли одинаковое достоинство и являлись на войну самостоятельно, каждый подъ своимъ знаменемъ и имѣя свой отличительный боевой кличъ (*war cry*).

Не излишнимъ будетъ сказать здѣсь нѣсколько словъ о томъ, какіе внѣшніе признаки имѣли въ западной Европѣ го-

---

[2]) Слово bannière произошло отъ ban—вызовъ вассаловъ на войну, который провозглашался сеньёромъ лена. Рыцарь-баннеретъ въ актахъ назывался miles vexillatus.

сударственныя и ленныя знамена, или банніеры [1]). Наибольшее значеніе между ними принадлежало, конечно, государственнымъ знаменамъ.

Они служили главными знаменами цѣлой страны и сопровождали на войну самого главу государства, или его замѣстителя. Въ старину они нерѣдко дѣлались столь значительныхъ размѣровъ, что ихъ приходилось возить при войскѣ на особой колесницѣ. Форма ихъ была обыкновенно четырехъугольная, иногда съ косицами.

Такъ государственное знамя (*Reichsbanner*) германскихъ Императоровъ (Священной Римской Имперіи) при Генрихѣ I и Оттонѣ Великомъ носило изображеніе Архистратига Михаила; при Фридрихѣ I Барбароссѣ—одноглаваго орла, при Оттонѣ IV—орла, борющагося съ дракономъ и, наконецъ, со времени императора Сигизмунда, или незадолго до него, принятъ былъ неизмѣннымъ гербомъ Имперіи *двуглавый орелъ* черный, съ родовымъ гербомъ императорскаго дома на груди и въ желтомъ (или золотомъ) полѣ. Такимъ образомъ двуглавый орелъ въ государственномъ гербѣ Германской Имперіи является установившимся не ранѣе XV вѣка; (на нѣкоторыхъ государственныхъ печатяхъ Людвига Баварца онъ появляется уже около 1330 г.), хотя мы встрѣчаемъ его и раньше, какъ напр. при Фридрихѣ II, но однако съ характеромъ личнаго, а не государственнаго герба [2]).

Кромѣ этого гербоваго знамени, германскіе императоры въ старину имѣли еще такъ называемое *боевое знамя* (*Blutfahne*), употреблявшееся ими также при торжественныхъ инвеститурахъ. Оно имѣло красный (кровяной) цвѣтъ, было меньшаго размѣра, чѣмъ вышеописанное, и носилось на копьѣ. Не вполнѣ выяснено, было ли это *боевое* знамя тождественно съ

---

[1]) Франц. bannière, нѣмецк. banner, panner итал. bandiera.

[2]) Seyler Gesch. d. Heraldik. p. 283 цитируетъ хронику Матѳея Парижскаго XIII в. (Historia Anglorum), въ которой находится современное изображеніе герба, принятаго Фридрихомъ II: въ щитѣ его изображенъ *двуглавый орелъ* очень архаической формы, чернаго цвѣта въ золотомъ полѣ Но тотъ-же хроникёръ даетъ изображеніе герба короля Генриха, сына Фридриха II: *одноглаваго* орла.

древнѣйшимъ геральдическимъ знаменемъ св. Георгія, которое также составляло принадлежность Германской Имперіи: это послѣднее имѣло бѣлый крестъ въ красномъ полѣ и упоминается въ хроникахъ XIII и XIV вѣковъ [1]). Заслуживаетъ вниманія, что въ старину охрана государственнаго знамени въ Германской Имперіи ввѣрялась одному изъ главныхъ вассаловъ короны, съ почетнымъ званіемъ *Имперскаго знаменосца* (*Reichs-Banner-Amt*). Званіе это носили преемственно съ 1495 года герцоги Виртембергскіе, почему въ ихъ гербъ и вошло изображеніе Имперскаго золотаго знамени съ чернымъ орломъ, положенное на-искось, въ голубомъ полѣ. Въ концѣ XVII в., при императорѣ Леопольдѣ произошелъ даже споръ изъ за предполагавшагося перехода этого званія къ Ганноверу, разрѣшившійся однако въ пользу Виртемберга.

Во Франціи государственная банніера въ XI вѣкѣ представляла большое четырехъугольное знамя лилово-синяго бархата, усѣянное золотыми лиліями. Существовала легенда, что именно такое знамя синяго цвѣта, усѣянное лиліями, вручено было папою Львомъ III Карлу Великому, какъ защитнику Римской церкви, отчего оно и получило названіе *небеснаго знамени* (*vexillum coeleste*) [2]). Оно привязывалось на подобіе хоругви къ длинному шесту и по значительности своего размѣра вывозилось на особой колесницѣ, запряженной волами въ гербовыхъ попонахъ.

Впослѣдствіи его стали дѣлать мéньшихъ размѣровъ и оно поручалось вѣдѣнію главнаго королевскаго камергера (*grand chambellan*). Съ тѣхъ поръ, какъ короли Франціи сдѣлались сюзеренами аббатства С. Дени, они стали употреблять, наравнѣ съ государственнымъ знаменемъ, священную хоругвь этого аббатства, носившую названіе *орифламмы* (*oriflamme* отъ латинскаго *auriflamma*). Это послѣднее знамя было огненно-краснаго цвѣта, безо всякаго изображенія, и привѣшано было на концѣ золотаго копья. Король Людо-

[1]) Seyler l. c. стр. 285. Извѣстно, что это Георгіевское знамя (St. Georgsbanner) присвоивалось также Швабскому и Франконскому рыцарству.

[2]) Ménéstrier. Art du Blason p. 294.

викъ VI впервые развернулъ орифламму въ военное время въ 1124 г., въ послѣдній же разъ она сопровождала французскія войска въ несчастной битвѣ при Азенкурѣ. Впослѣдствіи *боевое знамя (étendart)* французскихъ королей было бѣлое, также усѣянное золотыми лиліями. При Францискѣ I оно было широкимъ, короткимъ и закругленнымъ съ конца, а при Людовикѣ XII форма его измѣнилась на продолговатую съ длинными разрѣзными косицами. При Генрихѣ IV оба описанныя знамени, т. е. синее государственное и боевое, были замѣнены однимъ, бѣлымъ знаменемъ *(cornette blanche)*, которое существовало до революціи.

Въ отличіе отъ таковыхъ государственныхъ знаменъ, банніеры, утверждавшіяся главами государствъ за ленными владѣтелями и рыцарями-баннеретами, имѣли форму продолговатаго четырехъугольника ($^2/_3$ длины на $^1/_3$ ширины). Весьма любопытенъ древній обычай, соблюдавшійся въ рыцарскія времена при возведеніи обыкновеннаго рыцаря въ баннереты. Церемонія эта происходила нерѣдко передъ самою битвою. Такъ напр. въ хроникѣ Фруассара повѣствуется о томъ, какъ знаменитый Черный принцъ и король Аррагонскій Петръ возвели въ баннереты доблестнаго англійскаго рыцаря Іоанна Шандосъ *(Chandos)* предъ битвою при Навареттѣ. При этомъ рыцарь вручалъ свою банніеру, представлявшую до тѣхъ поръ удлиненный значекъ съ одною или двумя косицами, сюзерену со словами: „вотъ мой банніера, прошу разрѣшенія отнынѣ воздвигать её въ битвахъ, ибо, благодаря Бога и вамъ, я владѣю достаточнымъ леномъ и имуществомъ, чтобы её отстаивать“. При этомъ сюзеренъ, принимая въ руки банніеру рыцаря, собственноручно отрѣзалъ отъ нея косицы, превращая её такимъ образомъ въ четырехъугольную и возвращая новому баннерету, произносилъ: „прими свою банніеру и да подастъ тебѣ Богъ счастіе, честь и силу сохранять её“!

Съ тѣхъ поръ, какъ такія рыцарскія банніеры вошли въ обычай на Западѣ, онѣ, съ расцвѣтомъ геральдики, сдѣлались, наравнѣ съ рыцарскими щитами, носителями гербовъ феодаловъ, служа во время сраженій соединяющими символами для ихъ войска. Такъ мы видимъ на древнихъ изобра-

женіяхъ лицевой Трирской рукописи, извѣстной подъ названіемъ *Balduineum*, XIV вѣка, рыцарей, сражающихся подъ своими гербовыми банніерами, причемъ гербы эти повторяются также и на ихъ боевыхъ щитахъ [1]).

Въ восточной Европѣ, а именно въ Польшѣ, геральдика развивалась въ совершенно иныхъ условіяхъ, чѣмъ на Западѣ, сообразно особенностямъ и быту славянскаго племени. Здѣсь не существовало ни феодальной системы, ни рыцарства, но развито было родовое начало. Сосѣдніе землевладѣльцы, состоя первоначально въ родственныхъ связяхъ, въ случаѣ открывавшейся войны противъ внѣшняго непріятеля, собирались подъ одно общее *родовое знамя*, имѣвшее на себѣ изображеніе родового знака. Изъ этихъ родовыхъ знаковъ выработались впослѣдствіи польскіе дворянскіе гербы. Впрочемъ западно-европейская геральдика внесла въ польскую не мало и своего. Такъ, съ XV вѣка мы встрѣчаемъ въ Польшѣ и Литвѣ знамена съ изображеніями гербовъ, ничѣмъ не отличающіяся по своему внѣшнему виду отъ западныхъ рыцарскихъ банніеръ. Таковы напр. военныя хоругви *(choragiew)* польской и литовской шляхты, участвовавшія въ числѣ 50-ти въ знаменитой Гринвальденской битвѣ 1410 г. противъ рыцарей Тевтонскаго ордена. Хоругви эти перечисляются извѣстнымъ польскимъ геральдистомъ XVI вѣка Папроцкимъ въ его сочиненіи „*Herby Rycerstwa Polskiego*“ со словъ польской хроники Іоанна Длугоша. Изъ приводимыхъ имъ изображеній этихъ 50-ти хоругвей мы усматриваемъ, что онѣ имѣли квадратную форму и различались своими цвѣтами и геральдическими изображеніями. Между послѣдними мы встрѣчаемъ даже почти исключительно изображенія, свойственныя западной геральдикѣ, какъ-то: одноглавыхъ орловъ, львовъ, оленей, грифовъ, бычачьихъ головъ, рыбъ; изъ неодушевленныхъ предметовъ: звѣзды, кресты, мечи, ключи, замки, шапки

[1]) Столь прославившіеся въ Средніе вѣка духовные рыцарскіе ордена имѣли каждый свое орденское боевое знамя. Такъ, *Мальтійскіе* рыцари имѣли красное знамя съ серебрянымъ (бѣлымъ) осьмиконечнымъ крестомъ. *Темпліеры* имѣли знамя на половину бѣлое, на половину черное, съ надписью: „Не намъ, Господи, не намъ, а Имени Твоему даждь славу“. Знамя это носило названіе „Baucéant“.

и т. п. Наконецъ религіозныя изображенія: Богоматери, ангеловъ, Пасхальнаго агнца и святыхъ. Слѣдуетъ замѣтить, что уже при Казимірѣ Великомъ, во 2-ой половинѣ XV вѣка прежнія *родовыя знамена* въ войскахъ были замѣнены въ Польшѣ *областными*, имѣвшими уже вполнѣ западно-европейскій типъ. На этихъ областныхъ знаменахъ помѣщались геральдически стилизованные гербы воеводствъ, замѣнившіе на знаменахъ прежніе родовые знаки. Впрочемъ эти послѣдніе, превратившіеся теперь въ родовые гербы, еще появляются и позже на польскихъ и литовскихъ знаменахъ, причемъ родовой гербъ воеводы изображался обыкновенно въ нижней части знамени, подъ гербомъ воеводства.

II.

Прослѣдивъ значеніе геральдическихъ знаменъ на Западѣ, постараемся теперь выяснить, когда именно подобнаго рода знамена появляются у насъ на Руси.

Въ древнѣйшее время наши старинные княжескіе стяги имѣли видъ длинныхъ шестовъ, на вершинѣ которыхъ укрѣплялись древесныя вѣтви, пучки травъ, конскіе хвосты и другіе признаки, упоминаемые лѣтописями подъ названіемъ *чолки стяговой*. Впослѣдствіи къ стягамъ стали привязывать большіе куски тканей яркаго цвѣта, которымъ давали форму клина; иногда полотно стяга дѣлали о двухъ или трехъ косицахъ (клинцахъ, яловцахъ). Неизвѣстно, имѣли ли эти древнѣйшіе стяги значеніе родовыхъ знаменъ, какъ въ сосѣдней Польшѣ, гдѣ такія знамена издревле украшались изображеніями руническихъ письменъ, заимствованныхъ западными славянами у норманновъ и служившими различительными „знаменными знаками“ для вождей.

Вопросъ о родовыхъ знакахъ нашихъ древнихъ великихъ князей, хотя и затрогивался археологіей, при чемъ нѣкоторые изслѣдователи старались установить фактъ существованія у насъ какъ бы нѣкоторой первобытной геральдики, но по скудости дошедшихъ до насъ памятниковъ этой ранней эпохи остается весьма темнымъ и спорнымъ [1]).

[1]) По этому вопросу имѣется интересная статья, А. В. Орѣшникова:

О древнихъ стягахъ мы знаемъ, что они весьма уважались на Руси еще во времена язычества, а съ принятіемъ христіанства, когда ихъ стали украшать эмблемою Креста, значеніе ихъ, какъ святыни, еще возросло. Безъ стяга войска не отправлялись въ походъ и не вступали въ сраженія. Такъ напр. въ 1185 году въ дружинѣ Новгородъ-Сѣверскаго князя Игоря Святославича, ходившаго противъ Половцовъ, имѣлись стяги. Въ „словѣ о полку Игоревѣ“ встрѣчаемъ о послѣднихъ такія выраженія, какъ: „*чрвленъ стягъ, бѣла хоругвь, чрвлена чолка*“. Въ удѣльный періодъ каждая княжеская дружина и рати областей и городовъ имѣли свои особые стяги, различавшіеся по внѣшнему виду. Такъ напр. въ 1216 году въ Липецкой битвѣ у князя Георгія Суздальскаго было 17 стяговъ, а у Ярослава съ его Новгородцами 13.

Вліяніе Византіи на древнерусскій княжескій бытъ отразилось между прочимъ и на великокняжескихъ стягахъ, которые дѣлались весьма значительныхъ размѣровъ и, по примѣру византійскихъ императорскихъ знаменъ, стали украшаться священными изображеніями. Такія изображенія становятся обычными на Руси съ конца XIV вѣка, когда появляется и новое названіе для подобныхъ стяговъ, болѣе соотвѣтствующее ихъ иконописному типу, а именно *знаменіе*, или сокращенно *знамя*. Впрочемъ и древнѣйшее названіе *стягъ* продолжаетъ еще примѣняться у насъ до самаго конца XVI вѣка. Въ славной Куликовской битвѣ, положившей конецъ владычеству татаръ, великій князь Дмитрій Іоанновичъ Донской имѣлъ такое священное знамя *чермнаго*, т. е. червленаго (багрянаго) цвѣта съ написаннымъ на немъ Нерукотвореннымъ Спасовымъ образомъ. Что это великокняжеское знамя было именно *чермнаго*, т. е. багряно-краснаго цвѣта, (соотвѣтственно болѣе правильному чтенію лѣтописнаго извѣстія, предложенному извѣстнымъ изслѣдователемъ русской старины П. И. Савваитовымъ), а не чернаго, вполнѣ убѣждаетъ насъ вся дальнѣйшая исторія этого знамени, сохра-

---

Новые матеріалы о загадочныхъ фигурахъ на древнѣйшихъ русскихъ монетахъ. См. № 10 Археол. Изв. изд. Моск. Арх. Общ. 1910 г., гдѣ разобраны эти противорѣчивыя мнѣнія.

нившагося до нашихъ дней. Хотя оно и было значительно обновлено въ концѣ XVII вѣка, однако съ полнымъ сохраненіемъ его цвѣта и первоначальнаго вида, о чемъ свидѣтельствуютъ старинныя описи Московской Оружейной Палаты, гдѣ оно и сохраняется [1]). Это же самое историческое знамя сопровождало царя Іоанна Васильевича Грознаго въ Казанскомъ походѣ 1552 года и, по словамъ сказанія, царь, приблизившись съ войскомъ къ стѣнамъ города, повелѣлъ „хоругви христіанскіе развертити, сирѣчь знамя, на немъ же образъ Спасовъ“ [2]).

Изъ царскихъ полковыхъ знаменъ XVI вѣка сохранилось до нашего времени только одно: это такъ наз. „великій стягъ“ царя Іоанна Васильевича Грознаго, построенное въ 1560 году изъ китайской тафты. Размѣры его весьма значительные (по древку 3 арш. 2 в., по верхней каймѣ 6 арш. 2 в. и по откосу 4 арш. 5 в.), средина его лазореваго цвѣта, откосъ бѣлаго (сахарнаго). Въ среднемъ кругу изображенъ Господь Вседержитель на бѣломъ конѣ среди звѣзднаго неба и окруженный небесными силами. Въ нижнемъ углу знамени св. апостолъ Іоаннъ Богословъ, а на откосѣ архангелъ Михаилъ на золотомъ крылатомъ конѣ. Знамя это, по всему вѣроятію, изготовлено было во время Ливонской войны. Кромѣ этого знамени Грознаго, сохранились извѣстія еще о двухъ зна-

---

[1]) Такъ, въ Описи царской оруж. казны 1638 г. значится подъ № 3 „знамя, а на немъ писанъ Нерукотворенный Образъ Господень на обѣихъ сторонахъ по червчатой тафтѣ“. Въ описи 1675 г. при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ о немъ же значится болѣе подробно: „знамя, на немъ шито Нерукотворенный Образъ Господа нашего Іисуса Христа съ херувимы и серафимы, шито золотомъ, вшивано въ алую тафту, на концѣ побилось, бываетъ предъ великимъ Государемъ въ походѣхъ“. Наконецъ, въ актахъ Арх. Ор. П. 1686 г. при выдачѣ этого знамени въ полкъ кн. В. В. Голицына въ Крымскій походъ сказано: „знамя большое, образъ Спасовъ Еммануила, вшивное перешить въ новую китайскую камку и обшить новою же бахромою золотною“. Про то-же знамя говорится въ царской грамотѣ 1687 г. „дано изъ ихъ великихъ Государей самодержавныхъ рукъ большое полковое знамя, писано по камкѣ лудатной червчатой, вшитъ образъ Спаса, бахрома золото пряденое (Акт. Сѣвск. стола кн. 12). Такимъ образомъ не подлежитъ никакому сомнѣнію, что это историческое знамя при всѣхъ бывшихъ подновленіяхъ всегда сохраняло свой первоначальный видъ и червленый (чермный) цвѣтъ.

[2]) Царственная книга, рукоп. Синод. библ: № 179 л.л. 529—32.

менахъ XVI вѣка, относящихся къ царскимъ полковымъ. По словамъ Павла Іовія, посѣтившаго Москву въ 1525 году при великомъ князѣ Василіи Іоанновичѣ: „на знамени царскаго полка (*regiae aleae vexillo*) изображенъ Іисусъ Навинъ, испросившій у Бога власть продлить день и остановить теченіе солнца“ [1]). Другое знамя, конца XVI вѣка, вѣроятно служившее ц. Борису Годунову, было шито по *червчатой* тафтѣ съ *бѣлою* опушкою и носило изображенія свв. князей Владиміра, Бориса и Глѣба на коняхъ. При всей скудости приведенныхъ свѣдѣній о царскихъ знаменахъ XVI вѣка, мы имѣемъ однако возможность судить о ихъ обычномъ для той эпохи типѣ. Строились они тогда различныхъ цвѣтовъ, но ихъ общая черта выражалась въ украшавшихъ ихъ изображеніяхъ, которыя были *исключительно религіознаго характера.* Такія изображенія наиболѣе соотвѣтствовали установившемуся въ древней Руси понятію о святости знамени, какъ религіозно-народнаго символа. Подъ знаменами нерѣдко отправлялись церковныя службы, приносилась присяга и заключались договоры. Предъ отправленіемъ въ походъ съ царскими полками они окроплялись святою водою высшимъ духовенствомъ. Въ силу такого взгляда на святость знамени, почти не различавшагося отъ церковной хоругви, всякое изображеніе *свѣтскаго* характера, какъ напр. какого либо житейскаго предмета, или геральдической эмблемы признавалось на немъ неумѣстнымъ. Вотъ почему мы напрасно стали бы искать на царскихъ знаменахъ XVI вѣка какихъ либо геральдическихъ признаковъ, т. е. опредѣленныхъ цвѣтовъ со значеніемъ государственныхъ, или же изображеній государственной эмблемы, принятой Іоанномъ III изъ Византіи, двуглаваго орла, который уже изображался въ то время на государственной печати. Такое положеніе вопроса о геральдическихъ знаменахъ измѣняется у насъ, какъ мы покажемъ, лишь съ XVII-го вѣка, начавшагося въ Россіи лихолѣтьемъ.

Эпоха смутъ, открывъ границы Московскаго государства для иноземныхъ вторженій, повлекла за собою большія пе-

---

[1]) Библіотека иностр. писат. о Россіи т. I. IV Павелъ Іовій, стр. 53, 77.

ремѣны во взглядахъ и укоренившихся обычаяхъ старины и эти важныя перемѣны отразились прежде всего на военной организаціи и придворныхъ порядкахъ на Москвѣ.

Въ началѣ XVII вѣка, когда сношенія Россіи съ Польшею и Западною Европой особенно оживились, появляется у насъ вмѣстѣ съ прочими западными новшествами, новый *геральдическій вкусъ*, который находитъ себѣ выраженіе и въ искусствѣ того времени. Эпоха царя Михаила Ѳеодоровича носитъ особенно замѣтный отпечатокъ такъ называемаго *фряжскаго* (западнаго) стиля на различныхъ предметахъ царскаго быта и дворцоваго зодчества. Построенный при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ въ Московскомъ Кремлѣ такъ наз. *Теремной дворецъ* отличается весьма разнообразнымъ орнаментомъ геральдическаго характера, съ изображеніями двуглавыхъ орловъ, львовъ, единороговъ и другихъ фантастическихъ звѣрей и эмблемъ, высѣченныхъ изъ камня. Предметы царскаго наряда и вооруженія, какъ напр. роскошный золотой *сайдакъ* (колчанъ для стрѣлъ и на́лучъ), украшенный разноцвѣтною финифтью, и другіе предметы изобилуютъ геральдическими эмблемами. Между ними главною является государственный двуглавый орелъ: на скипетрѣ царя Михаила Ѳедоровича онъ сдѣланъ *золотымъ* (при этомъ— на три стороны: „три орла пластаныхъ, крылами вмѣстѣ) подъ короною; на на́лучѣ сайдака—изъ *бѣлой* финифти съ большимъ *краснымъ* яхонтомъ на груди. Вокругъ орла на этомъ же сайдакѣ расположены въ особыхъ клеймахъ (щиткахъ) изображенія такъ называемаго „*ѣздца*“ (воина на конѣ, колющаго змія), единорога—со скипетромъ, грифа—съ державою, льва—съ мечемъ и орла одноглаваго, держащаго вѣнецъ. Всѣ эти изображенія расцвѣчены финифтью. Болѣе правильное изображеніе двуглаваго орла государственной печати мы имѣемъ на другомъ сайдакѣ царя Михаила Ѳедоровича, гдѣ онъ исполненъ по золотой оправѣ чернью [1]).

Въ царскомъ войскѣ, въ которомъ еще съ конца XVI-вѣка служило немало иноземцевъ, новизна стала замѣчаться въ то

---

[1]) Ор. Пал. №№ 1025 и 1026.

время во многихъ подробностяхъ военнаго снаряженія, которыя было бы слишкомъ долго здѣсь перечислять. Между таковыми новизнами наиболѣе интереснымъ для насъ было появленіе въ началѣ XVII вѣка въ полкахъ иноземнаго строя знаменъ западно-европейскаго типа, т. е. съ геральдическими эмблемами. Хотя царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ началѣ своего царствованія и ограничилъ принятіе въ войска иноземцевъ, однако въ то время состояло въ Москвѣ „нѣмецъ и литвы стараго выѣзда“ десять ротъ, подъ начальствомъ ротмистровъ иноземцевъ. Въ каждой такой ротѣ имѣлось свое знамя. Эти иноземскія знамена строились обыкновенно изъ шелковыхъ тканей, а иногда изъ холста различныхъ цвѣтовъ и изготовлялись они въ Казенномъ приказѣ; но видъ и размѣръ ихъ опредѣлялся иноземцами: „а какъ дѣлать знамя, говорится въ актахъ, и то ротмистръ укажетъ самъ“. Такой же порядокъ изготовленія знаменъ соблюдался впослѣдствіи и въ полкахъ нововыѣзжихъ иноземцевъ. Отсюда понятно разнообразіе этихъ знаменъ новаго типа, появившихся тогда въ русскомъ войскѣ чрезъ посредство иностранцевъ. Готовясь начать войну противъ Польши, царь Михаилъ Ѳедоровичъ въ началѣ 1631 года послалъ за границу полковниковъ Лесли и фанъ-Дама нанять „региментъ добрыхъ и ученыхъ солдатъ“. Вновь образованные такимъ образомъ иноземскіе и солдатскіе полки вошли въ составъ войска, отправленнаго въ 1632 г. подъ Смоленскъ съ бояриномъ Шеинымъ и каждый изъ нихъ имѣлъ свои знамена западно-европейскаго типа.

Олеарій, членъ Гольштинскаго посольства, посѣтившаго Москву въ 1634 году, присутствовалъ здѣсь при торжественномъ въѣздѣ Турецкаго посольства. Встрѣчавшее посла царское войско имѣло по его словамъ шесть знаменъ (*Standarde*), изъ которыхъ первое принадлежало отряду царскихъ тѣлохранителей (*Leib-Compagnie*): оно было изъ *бѣлаго* атласа и на немъ изображенъ былъ двуглавый орелъ подъ тремя коронами, окруженный лавровымъ вѣнкомъ и съ надписью: „*Virtute supero*“. На другомъ знамени, голубомъ, находилось изображеніе грифа, на третьемъ, также голубомъ—улитка, на четвертомъ, опять голубомъ—рука, держащая мечъ, на

пятомъ, краснымъ—Янусова голова о двухъ лицахъ, шестое, красное же, было безъ изображеній. Къ этому извѣстію Олеарій добавляетъ: „полагаютъ, что такія эмблемы, или символическіе знаки сдѣланы были по указанію нѣмецкихъ офицеровъ, прибывшихъ изъ Смоленска, ибо русскіе неопытны въ изобрѣтеніи подобныхъ предметовъ“ (*dann die Russen sind in Erfindung solcher Sachen nicht geübt*) [1]). Въ дошедшей до насъ описи оружейной казны царя Михаила Ѳедоровича, составленной въ 1638 году, упоминается въ числѣ другихъ знаменъ подъ № 13: „знамя—*Орелъ*, по *бѣлой* камкѣ, еловчикъ знамени мѣденой, золоченъ“. Это, по всему вѣроятію, и было то самое *бѣлое знамя съ орломъ*, которое описано Олеаріемъ, какъ знамя отряда царскихъ тѣлохранителей. Приведенное указаніе описи подтверждаетъ это весьма важное для насъ извѣстіе о первомъ, быть можетъ, геральдическомъ, или гербовомъ знамени нашего древняго царскаго періода. Цвѣтъ его, какъ мы уже сказали, былъ *бѣлый* и онъ являлся исключительнымъ именно для царскаго гербоваго знамени. Въ то-же время знамена, жаловавшіяся царемъ въ полки, хотя на таковыхъ изображался иногда орелъ, получали однако другіе цвѣта. Такъ напр. подъ 1631 годомъ встрѣчается въ актахъ Оружейной Палаты извѣстіе объ изготовленіи по царскому указу полковаго знамени изъ черной тафты, на которомъ орелъ пластаной писанъ серебромъ.

Въ позднѣйшей описи царской Оружейной казны 1643 года снова встрѣчаемъ вполнѣ точное указаніе на вышеупомянутое царское гербовое знамя. Здѣсь оно значится подъ № 14 и описано такъ: „знамя *орелъ*, *по бѣлой камкѣ*, а по осмотру на томъ знамени писанъ *орелъ двоеглавой чернилами*, а около бахрома—шелкъ *чернъ* съ *золотомъ*“. Здѣсь уже ясно указываются геральдическіе цвѣта: *бѣлый*, *черный* и *золотой*. Въ этой же описи заслуживаетъ вниманія подъ № 16: „знамя вѣтхо, подрано, а на немъ писано коруна со крестомъ и парѳира съ диадимою и жезлъ—по *бѣлой*

[1]) Adam Olearius. Moscovitische u. Persische Reisebeschreibung ed. 1665 p. 41.

камкѣ". Заслуживаетъ вниманія, что это ветхое знамя, уцѣлѣвшее, можетъ быть, еще отъ конца XVI-го вѣка и носившее изображеніе *царскихъ регалій*, имѣетъ также присвоенный царскимъ гербовымъ знаменемъ *бѣлый* цвѣтъ.

Со временъ царя Михаила Ѳедоровича изображеніе двуглаваго орла мы видимъ и на тѣхъ *жалованныхъ царемъ* знаменахъ, которымъ придавалось особенное *государственное значеніе*. Таково напр. большое знамя, посланное царемъ Михаиломъ Ѳедоровичемъ въ 1614 году атаманамъ донскаго казачества: оно построено было изъ кармазина съ лазоревой каймой, на срединѣ его изображенъ былъ „орелъ пластаной, *золотной*, на обѣ стороны, а посреди орла въ клеймѣ Государевъ образъ на конѣ, колетъ змія". Впослѣдствіи, въ 1649 г. такое же знамя пожаловано было Донскому войску царемъ Алексѣемъ Михайловичемъ. Вообще изображеніе государственнаго герба на *важнѣйшихъ* знаменахъ въ XVII вѣкѣ окончательно входитъ въ обычай и иногда такія знамена въ описяхъ того времени обозначаются спеціальнымъ терминомъ *гербовыхъ*, что уже ясно указываетъ на ихъ геральдическое значеніе.

При царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ, какъ извѣстно, геральдика получила у насъ официальную санкцію. Московское правительство пожелало въ то время окончательно стилизировать эмблемы большой государственной печати, которая вмѣстѣ съ тѣмъ являлась и государственнымъ гербомъ Россіи. Съ этой цѣлью прибылъ въ Москву около 1673 года присланный по просьбѣ царя императоромъ Леопольдомъ герольдмейстеръ послѣдняго, славянинъ Лаврентій Куреличъ, который помогъ Посольскому приказу въ этомъ новомъ дѣлѣ своими спеціальными познаніями.

Большія вооруженія и частые военные походы царя Алексѣя Михайловича требовали значительнаго числа полковыхъ знаменъ, которыя строились вновь въ приказахъ и роспысывались обыкновенно живописцами царской Оружейной Палаты. Посѣтившій Москву въ 1665 году вмѣстѣ съ Антіохійскимъ патріархомъ Макаріемъ архидіаконъ его Павелъ Алепскій въ своихъ запискахъ даетъ слѣдующее любопыт-

ное описаніе царскихъ знаменъ, которыя онъ видѣлъ при торжественномъ въѣздѣ царя Алексѣя Михайловича въ Москву, весною 1655 года. „Въ этомъ шествіи, повѣствуетъ онъ, показались государственные чины и войско. Сначала несли знамя и подлѣ него два барабана, которые били; за нимъ шло войско въ три ряда. Если знамя было бѣлое, то всѣ ратники, за нимъ слѣдовавшіе, были въ бѣломъ; если синее, то и ратники за нимъ въ синемъ, и точно также, если оно было красное, зелёное, розовое и всякихъ другихъ цвѣтовъ. Всѣ знамена были новыя, сдѣланныя царемъ предъ отправленіемъ въ походъ. Эти чудесныя, огромныя знамена приводятъ въ удивленіе зрителя своею красотою, исполненіемъ изображеній на нихъ и позолотой. Первое знамя имѣетъ изображеніе Успенія Владычицы; второе—съ изображеніемъ Нерукотвореннаго Образа. На прочихъ знаменахъ, на однихъ былъ написанъ образъ св. Георгія или св. Димитрія и прочихъ храбрыхъ витязей-мучениковъ, на другихъ—образъ св. Михаила Архангела, или херувимъ съ пламеннымъ мечемъ; или *изображеніе печати царя—двуглавый орелъ*, или военные кони, земные и морскіе, для украшенія, большіе и малые кресты и пр.“ [1]).

Изъ этого описанія очевидца мы можемъ заключить, что священныя изображенія продолжали еще въ это время быть преобладающими на знаменахъ царскихъ полковъ, но, кромѣ таковыхъ, въ царскихъ войскахъ имѣлись и *геральдическія*—съ государственнымъ гербомъ и другими эмблемами. Въ дополненіе къ приведенному описанію знаменъ, которое даетъ Павелъ Алеппскій, можно указать на цѣлый рядъ *гербовыхъ* знаменъ, относящихся къ царствованію Алексѣя Михайловича. Такъ, въ 1662 г. по царскому указу послано было въ Астрахань къ воеводѣ кн. Черкасскому „знамя *червчатое* съ откосомъ, на немъ написанъ орелъ двоеглавой съ корунами *золотомъ*, по сторонамъ орла—солнце, да мѣсяцъ, промежъ ими въ откосѣ звѣзды, каймы писаны по золоту раз-

---

[1]) Путешествіе Антіох. патр. Макарія въ Россію въ пол. XVII в. опис. Павломъ Алеппскимъ, перев. съ арабск. Г. Муркоса. Вып. III, стр. 4.

ными краски“ [1]). Въ 16[illegible]8 году гетману Запорожскаго войска Демьяну Многогрѣшному послано было отъ царя знамя *бѣлой* тафты, на немъ орелъ двоеглавой съ коруною, у орла на срединѣ написанъ царь на конѣ; на верхней каймѣ образъ Спасовъ Вседержителя“ [2]).

Въ 1674 году, когда гетманомъ Малороссіи былъ избранъ Иванъ Самойловичъ, то царь пожаловалъ его гербовымъ знаменемъ также изъ *бѣлой* тафты съ золотымъ двуглавымъ орломъ, съ тою лишь разницею отъ предъидущаго, что по обѣ стороны Спасова образа имѣлись здѣсь изображенія св. креста о пяти степеняхъ, а по каймѣ знамени и въ клеймахъ выписанъ былъ полный царскій титулъ.

Нельзя не обратить вниманія на то, что въ послѣднихъ трехъ царскихъ знаменахъ, пожалованныхъ гетманамъ вновь присоединенной къ Московскому государству Малороссіи, примѣненъ былъ, предпочтительно предъ другими, *бѣлый* цвѣтъ царскаго гербоваго знамени. Позднѣе такое же *бѣлое* знамя съ *золотымъ* двуглавымъ орломъ подъ 3-мя коронами и крестомъ изъ 10-ти золотыхъ звѣздъ пожаловано было въ 1688 году царями Іоанномъ и Петромъ и царевной Софіей гетману Малороссіи Ивану Мазепѣ [3]).

Наконецъ, изъ эпохи царя Алексѣя Михайловича дошло до насъ, хотя и въ весьма поврежденномъ видѣ, еще одно замѣчательное знамя, относящееся къ разряду геральдическихъ. Знамя это внесено въ описи Московской Оружейной Палаты подъ названіемъ *гербовнаго* царя Алексѣя Михайловича. Оно построено было въ 1665—1668 годахъ изъ *бѣлой* тафты съ *алою* каймою и росписывалось извѣстнымъ живописцемъ Оружейной Палаты изъ поляковъ, Станиславомъ Лопуцкимъ [4]). Заслуживаетъ вниманія царскій указъ отъ

[1]) Л. Яковлевъ, Русскія старинныя знамена, стр. 23 и отд. II, стр. 86, № 26.

[2]) Тамъ-же, стр. 95—96.

[3]) Знамя это сохраняется въ Московской Оружейной Палатѣ, подъ № 4185.

[4]) Л. Яковлевъ, Русскія старинныя знамена, стр. 23 и II стр. 32—35 и прилож. № 21. Рисунокъ этого интереснаго знамени воспроизведенъ съ большою тщательностью художникомъ Д. М. Струковымъ въ приложенныхъ къ изслѣдованію Яковлева табл. № VIII, но къ сожалѣнію безъ красокъ, которыя совершенно вылиняли на этомъ знамени.

13 октября 1665 г. объ изготовленіи этого знамени, записанный окольничимъ и оружейничимъ Богданомъ Матвѣевичемъ Хитрово, изъ котораго видно, что оно строилось по размѣру древняго знамени Нерукотвореннаго Спасова образа, „что бываетъ въ походѣхъ предъ нимъ, великимъ Государемъ". На немъ указано было написать: въ срединѣ—орла двоеглаваго да великаго Государя титло. По каймамъ писать печати государствъ, а именно: Новгородскую, Казанскую, Астраханскую, Сибирскую, Псковскую, Тверскую, Пермскую, Вятскую, Болгарскую, Нижегородскую, Рязанскую и Ростовскую. Живописецъ Лопуцкій исполнилъ этотъ царскій заказъ въ 1668 году съ большимъ художественнымъ вкусомъ, помѣстивъ среди знамени, подъ большимъ изображеніемъ двуглаваго орла, видъ Московскаго Кремля со стороны Красной площади, а въ верхней каймѣ—образъ Спаса и по обѣ его стороны—по кресту съ копіемъ и тростію. Двуглавый орелъ подъ двумя коронами, съ Московскимъ гербомъ на груди, держитъ въ правой лапѣ скипетръ, а въ лѣвой — державу съ крестомъ. Вокругъ него и по каймѣ расположены въ клеймахъ вышеупомянутые гербы, или печати государствъ, написанные, какъ и орелъ, золотомъ и красками. Общій видъ знамени, изъ бѣлой тафты съ алою каймою и богатою позолотою, въ первоначальномъ его видѣ могъ быть весьма эффектнымъ. Надо полагать, что оно имѣло въ свое время особое назначеніе и служило при царскихъ походахъ и различныхъ церковныхъ и придворныхъ торжествахъ въ качествѣ гербоваго *государственнаго* знамени [1]). Идея такого знамени возникаетъ, какъ мы видѣли, еще при царѣ Михаилѣ Ѳеодоровичѣ, а при царѣ Алексѣѣ получаетъ уже болѣе опредѣленное примѣненіе. Гербовое знамя сопровождаетъ тишайшаго царя въ его Литовскихъ походахъ и намъ извѣстно, напр., что при торжественномъ въѣздѣ царя Алексѣя Михайловича въ Смоленскъ, послѣ его сдачи, предъ царемъ несли большое знамя, съ *золотымъ* двуглавымъ ор-

[1]) Въ пользу такого предположенія говоритъ и то обстоятельство, что знамя это, по изготовленіи его въ Оружейной Палатѣ, перенесено было во дворецъ и помѣщено здѣсь въ *Золотой Палатѣ*. Арх. Ор. Пал. столб. 1668. № 57.

ломъ [1]). Такъ бывало, конечно, и при другихъ подобныхъ торжественныхъ случаяхъ.

Возвращаясь къ вопросу о цвѣтахъ этого царскаго гербоваго знамени, замѣтимъ, что таковыя становятся въ это время (т. е. со 2-й половины XVII вѣка) вполнѣ опредѣленными: поле царскаго гербоваго знамени всегда *бѣлое*, обыкновенно окаймленное *красною* (червчатою, алою) опушкой. Двуглавый государственный орелъ изображался чаще всего *золотымъ* съ Московскимъ гербомъ, (написаннымъ въ краскахъ), на груди. Гораздо рѣже мы встрѣчаемъ его *чернымъ*, какъ напр. на царскомъ сайдакѣ греческой работы царя Алексѣя, изготовленномъ вмѣстѣ съ царскими регаліями: здѣсь орелъ расцвѣченъ *черною* финифтью. Цвѣта, присвоенные царскому гербовому знамени, встрѣчаются и на нѣкоторыхъ другихъ предметахъ царскаго наряда, дошедшихъ до насъ изъ этой эпохи. Таковы напр. богатые *сайдачные покровцы* большого наряда царя Алексѣя Михайловича, украшенные геральдическими эмблемами государственнаго герба. На одномъ изъ нихъ (Ор. Пал. № 6356) вся середина шита волоченымъ *серебромъ*, (соотвѣтствующимъ геральдически *бѣлому* цвѣту), а на ней помѣщенъ въ золотомъ щитѣ, обнизанномъ жемчугомъ, вышитый *золотомъ* двуглавый орелъ подъ тремя вѣнцами и съ Московскимъ гербомъ на груди. Покровецъ обшитъ широкою каймою *червчатаго* (малиново-краснаго) шёлка, на которой расположены въ 12-ти клеймахъ также шитые золотомъ гербы областей.

На другомъ сайдачномъ покровцѣ, шитомъ жемчугомъ и золотою канителью по шелку, двуглавый орелъ вышитъ жемчугомъ въ кругу *краснаго* (червчатаго) шелка; самый кругъ помѣщенъ на *бѣломъ* полѣ, опушенномъ лазоревою каймой съ гербами областей (Ор. Пал. № 6367). Наконецъ, весьма важнымъ и, можно сказать, рѣшающимъ по вопросу о государственныхъ цвѣтахъ въ XVII вѣкѣ является свидѣтельство государственныхъ актовъ того времени. На жалованной грамотѣ царя Алексѣя Михайловича 1673 года, данной Кам-

[1]) Писаревъ, Княжее мѣсто г. Смоленска стр. 40.

скому Преображенскому монастырю, помѣщенъ надъ текстомъ грамоты, согласно обычаю, гербъ Московскаго государства: на *бѣломъ* полѣ двуглавый *золотой* орелъ подъ 3-мя золотыми коронами, съ державою и золотымъ крестомъ въ лапахъ; на груди орла щитокъ *бѣлаго* цвѣта съ изображеніемъ ѣздца на сѣромъ конѣ. Въ такихъ же цвѣтахъ изображенъ государственный гербъ и на другихъ жалованныхъ грамотахъ царя Ѳеодора Алексѣевича, хранящихся въ Московскомъ архивѣ Министерства Юстиціи [1]).

Кончая нашъ обзоръ геральдическихъ знаменъ эпохи царя Алексѣя Михайловича, намъ остается упомянуть еще о первомъ въ Россіи *морскомъ корабельномъ флагѣ*. Когда построенъ былъ по царскому указу въ 1669 г. въ с. Дѣдиновѣ первый военный корабль, названный *Орломъ*, вскорѣ послѣ того сожженный Стенькою Разинымъ, то капитану его, иноземцу Бутлеру велѣно было „поставить на носу и на кормѣ *по орлу* и на знаменахъ (т. е. флагахъ) и еловчикахъ (вымпелахъ) *нашивать орлы*“ [2]). О цвѣтахъ этого перваго русскаго морского флага мы не имѣемъ точныхъ указаній [3]), но, основываясь на вышеприведенныхъ данныхъ, касающихся царскаго гербоваго знамени, можно полагать, что флагъ этотъ, по всему вѣроятію, былъ также бѣлымъ, а орелъ на немъ—золотымъ, или чернымъ. Впрочемъ подобный флагъ, (бѣлый съ чернымъ орломъ), существовалъ нѣкоторое время при Петрѣ Великомъ, который ввелъ его въ 1693 году для торговыхъ судовъ, до замѣны таковыхъ новымъ, трехцвѣтнымъ.

Конецъ XVII вѣка, наканунѣ Петровскихъ преобразованій, представляетъ эпоху борьбы старыхъ порядковъ съ прони-

---

[1]) Самоквасовъ. Къ вопросу о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи стр. 12—13.

[2]) Соловьевъ. Исторія Россіи. Т. III стереотип. изд. стр. 564.

[3]) Едва ли можно признать рѣшающими по этому вопросу свѣдѣнія, сообщаемыя актами о посылкѣ изъ Сибирскаго приказа киндяковъ и тафтъ *трехъ цвѣтовъ* къ корабельному дѣлу, на знамена и яловчики. Посылка эта сдѣлана была *по памяти*, т. е. приказному распоряженію, и могла быть и не вполнѣ точною и соотвѣтствующею своей цѣли.

кавшими къ намъ отовсюду иноземными вліяніями. Съ одной стороны продолжали еще держаться традиціи византизма, особенно укоренившіяся въ Москвѣ при тишайшемъ царѣ и патріархѣ Никонѣ, а съ другой—польскія и западно-европейскія новшества все болѣе и болѣе измѣняли жизнь высшихъ общественныхъ классовъ. Мы уже отмѣчали предвѣстники такихъ перемѣнъ при царѣ Михаилѣ Ѳедоровичѣ. Царь Алексѣй Михайловичъ нѣсколько сдерживалъ ихъ своими византійскими идеалами, являясь строгимъ блюстителемъ древнихъ православныхъ обычаевъ. Но уже при его сынѣ, Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ усилилось духовное вліяніе въ Москвѣ кіевлянъ, служившихъ проводниками многихъ польскихъ взглядовъ. Борьба направленій, особенно ожесточившаяся при патріархѣ Іоакимѣ, отразилась во многомъ, не исключая и памятниковъ быта. Отраженіе этой борьбы представляютъ отчасти и знамена того времени. Весьма знаменательно въ этомъ отношеніи появленіе нѣкоторыхъ измѣненій въ типѣ знаменъ *стараго* Московскаго войска,—*стрѣльцовъ*, являвшихся, какъ извѣстно, фанатичными защитниками старыхъ порядковъ. Большія стрѣлецкія знамена, такъ называемыя *головины*, принадлежавшія цѣлому стрѣлецкому приказу, въ отличіе отъ *сотенныхъ* стрелецкихъ же знаменъ, дѣлались весьма значительныхъ размѣровъ и на нихъ писались по древнему обычаю исключительно священныя изображенія. Такъ напримѣръ при царѣ Алексѣѣ Михайловичѣ въ 1669 г. въ стрѣлецкіе приказы Полуехтова и Соловцова приказано было построить два знамени: на одномъ образъ Спасовъ Нерукотворенный, а на другомъ—Архистратигъ Михаилъ. При царѣ Ѳеодорѣ Алексѣевичѣ, вмѣстѣ съ переименованіемъ начальныхъ стрѣлецкихъ людей, и знамена измѣняютъ названія: головины называются полковничьими, пятисотенныя—полуполковничьими, а сотенныя—братскими. Наконецъ, при царяхъ Петрѣ и Іоаннѣ, подъ опекой царевны Софіи, въ 1683 году самые стрѣлецкіе приказы преобразовываются въ полки и съ этого же времени видоизмѣняются и стрѣлецкія полковыя знамена. Иконописныя изображенія не теряютъ на нихъ своего преобладающаго значенія, но рядомъ съ ними появляется на этихъ знаменахъ

и государственная эмблема двуглаваго орла. Таково, напримѣръ, сохранившееся до нашего времени стрѣлецкое полковое знамя громадныхъ размѣровъ (длина 13 ф. 6 д., ширина 12 ф.) въ С.-Петербургскомъ Артиллерійскомъ музеѣ. Построено оно въ формѣ четыреугольника изъ шелковой матеріи съ червчатою каймою, росписанною вызолоченными травами. Обѣ стороны этого знамени покрыты почти сплошь множествомъ изображеній, между которыми преобладающимъ сюжетомъ служитъ страшный судъ. Изображеніе двуглаваго орла занимаетъ *на оборотной сторонѣ* знамени середину: онъ представленъ *золотымъ*, съ круглымъ щиткомъ на груди, на которомъ помѣщены возсѣдающіе на двухъ тронахъ цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи [1]).

По примѣру Московскихъ стрѣльцовъ, изображеніе двуглаваго орла, хотя и въ нѣсколько своеобразной стилизаціи, стало распространяться въ то время и на знамена городовыхъ стрѣлецкихъ полковъ. Изъ этихъ послѣднихъ намъ извѣстно напримѣръ знамя Псковскихъ стрѣльцовъ, съ большимъ двуглавымъ орломъ, изображеннымъ *на обѣихъ его сторонахъ* [2]). Ко времени единодержавія Петра относится подобное же знамя Архангелогородскаго стрѣлецкаго полка 1696 года, построенное изъ червчатой камки съ лазоревою каймой. На лицевой сторонѣ, въ срединѣ—государственный гербъ, выше его, въ облакахъ образъ Знаменія Богоматери, а ниже орла—изображеніе города со стѣнами и башнями и свв. ап. Петра и Алексія, Божія человѣка (царскихъ патроновъ); на оборотной сторонѣ—образъ Рождества Христова. Всѣ эти изображенія вышиты на знамени шелкомъ и канителью [3]). Наконецъ, весьма интересно знамя Псковскихъ стрѣльцовъ той же Петровской эпохи, захваченное Шведами въ числѣ другихъ трофеевъ въ несчастной для насъ битвѣ подъ Нарвою. Въ этой битвѣ принимали участіе два полка городовыхъ стрѣльцовъ, Новгорода и Пскова, еще существовавшіе

---

[1]) Знамя это подъ № 290 описано *Н. Е. Бранденбургомъ* въ Историч. каталогѣ С.-Петербургскаго Артиллерійскаго музея, гдѣ оно сохраняется.

[2]) Ibid. № 293.

[3]) Ibid. № 292.

до 1710 г., послѣ уничтоженія Московскихъ стрѣльцовъ въ 1699 году. На этомъ послѣднемъ знамени, изъ лазоревой шелковой ткани (сильно поврежденномъ), изображенъ подъ одною короною золотой двуглавый орелъ со скипетромъ и державою. На груди орла помѣщенъ въ щиткѣ св. великій князь Довмонтъ Псковскій, держащій въ одной рукѣ крестъ, а въ другой мечъ. Надъ орломъ имѣлось какое то священное изображеніе въ облакахъ, но вырвано, а по угламъ знамени 4 фигуры святыхъ [1]).

Въ эту переходную эпоху подобныя знамена *смѣшаннаго типа* встрѣчаются, кромѣ стрѣлецкихъ полковъ, также и въ нѣкоторыхъ другихъ новыхъ полкахъ. Таково, напр., хранящееся въ Оружейной Палатѣ такъ называемое *гербовное* знамя царя Петра Алексѣевича 1696 г., написанное инокомъ Каріономъ для вновь сформированнаго тогда Петромъ *морскаго регимента*, предъ отправленіемъ въ Азовскій походъ [2]). Построено оно по образцу большихъ полковыхъ знаменъ того времени, изъ *красной* камки съ *бѣлою* каймою, т. е. въ цвѣтахъ государственнаго знамени. На серединѣ изображенъ *золотой* двуглавый орелъ, парящій надъ моремъ, на груди его, въ кругу написанъ въ краскахъ Господь Вседержитель на бѣломъ конѣ: изъ устъ Его исходитъ молніеносный мечъ. Въ лапахъ орла—копья, обвитыя хартіями, съ надписями изъ священнаго писанія; такія же надписи помѣщены и на хартіяхъ, вложенныхъ въ клювы орла. Въ лѣвомъ углу знамени—рука, выходящая изъ облака, подъ орломъ—море съ кораблями. На откосѣ знамени изображены свв. апостолы Петръ и Павелъ, держащіе камень вѣры. Это оригинальное по своей композиціи знамя изготовлено было по повелѣнію Петра Великаго, любившаго примѣнять на знаменахъ различныя символическія изображенія [3]); но при этомъ писавшій знамя

---

[1]) Знамя это воспроизведено въ краскахъ въ шведскомъ изданіи „Narvatrofée i Statens Trofésamling“ af I. Petrelli u. Lagrelius Stockholm 1907 Pl. I.

[2]) Оруж. Палата. Знамя № 4072.

[3]) По повелѣнію Петра Великаго переведено было съ голландскаго спеціальное сочиненіе о такихъ *эмблемахъ* съ приложеніемъ изображеній.

инокъ Каріонъ не преминулъ сохранить его въ общемъ характерѣ типъ древняго священнаго стяга.

При всѣхъ подобныхъ перемѣнахъ, замѣчаемыхъ среди полковыхъ знаменъ этой переходной эпохи, *царское гербовое знамя*, установленное, какъ мы видѣли, въ предшествующія царствованія, сохраняетъ до конца XVII вѣка свой постоянный традиціонный типъ. Здѣсь будетъ кстати привести по этому вопросу весьма важное свидѣтельство въ дневникѣ посѣтившаго Москву въ 1698 и въ 1699 годахъ секретаря Австрійскаго посольства, Іоанна Георга Корба. Онъ описываетъ, между прочимъ, религіозную церемонію освященія воды на р. Неглинной (?) на Богоявленіе, при которомъ ему пришлось присутствовать, и прилагаетъ къ своему описанію весьма любопытный, хотя и не особенно точный въ деталяхъ рисунокъ. „Противъ ограды, гдѣ митрополитомъ совершалось водосвятіе, пишетъ Корбъ, воздвигнутъ былъ столбъ. На этомъ столбу стояло *съ государственнымъ стягомъ* то лицо, котораго счелъ достойнымъ этого *почета* царскій выборъ. Быть назначеннымъ для этой должности есть *знакъ особой царской милости*. Яснымъ доказательствомъ служитъ то, что такое лицо получаетъ новую одежду съ головы до пятъ и, кромѣ того, нѣсколько золотыхъ по царскому усмотрѣнію. *Стягъ этотъ—бѣлый, на немъ сіяетъ вышитый золотомъ двуглавый орелъ*. Развернуть стягъ нельзя раньше, чѣмъ духовенство выйдетъ за рѣшетку ограды. Тогда знаменосцу надо наблюдать за религіозными обрядами, кажденіемъ и благословеніемъ, такъ-какъ каждую часть церемоніи онъ отмѣчаетъ наклоненіемъ стяга. Знаменосцы остальныхъ полковъ слѣдятъ за нимъ, чтобы соотвѣтствовать наклоненіемъ ихъ стяговъ“ [1]). Это интересное извѣстіе Корба о *государственномъ знамени* конца XVII вѣка вполнѣ подтверждаетъ то, что мы выше о немъ заключали на основаніи сохранившихся историческихъ данныхъ. Кромѣ того, мы встрѣчаемъ въ актахъ цѣлый рядъ примѣровъ царскаго пожалованія на-

[1]) *Іоаннъ Георгъ Корбъ*. Дневникъ путешествія въ Московію 1698 и 1699 г., перев. съ нѣмецкаго А. І. Малеина. СПб. изд. Суворина, 1906, стр. 113.

чальныхъ людей, назначавшихся стоять съ этимъ, такъ называемымъ „*ясачнымъ знаменемъ*“ при церковно-религіозныхъ церемоніяхъ. Такъ напр. въ актахъ Архива М. Оружейной Палаты за 1683 годъ значится: „Великіе Государи Цари Іоаннъ и Петръ Алексѣевичи пожаловали Московскаго выборнаго полка генерала думного Агѣя Алексѣевича Шепелева капитана Савву Айгустова, который апрѣля въ 1-й день нынешняго 191 году въ недѣлю Ваія, въ дѣйство еже совершаегся входъ Господа нашего І. Х. во Іерусалимъ *поставленъ былъ въ Китаѣ со есачнымъ знаменемъ*, велѣли ему дать своего Великихъ Государей жалованья, сукна карказиннаго добраго 5 аршинъ“ [1]). Въ другомъ мѣстѣ говорится о подобномъ же пожалованіи въ 1699 году Преображенскаго полка прапорщика Никиты Гадомскаго, который стоялъ въ день Богоявленія Господня на указномъ мѣстѣ съ *ясачнымъ знаменемъ* [2]). По объясненію Забѣлина, подъ столбомъ, на которомъ, по словамъ Корба, становился при Богоявленскомъ водосвятіи этотъ знаменщикъ, слѣдуетъ понимать Тайницкую башню въ Кремлѣ, противъ которой и донынѣ устраивается крещенская іордань на Москвѣ рѣкѣ, (и въ такомъ случаѣ Корбъ ошибочно упоминаетъ р. Неглинную) [3]). Итакъ, это бѣлое царское знамя съ золотымъ орломъ, или ясачное, т. е. вѣстовое (также какъ вѣстовой колоколъ, указывающій начало для церковнаго благовѣста, именуется иногда ясачнымъ), получало особое первенствующее значеніе при церковныхъ торжествахъ въ присутствіи самого царя, какъ и подобало государственному знамени. Сохранялось оно, какъ кажется, постоянно въ царскихъ палатахъ, на что встрѣчаются въ актахъ нѣкоторыя указанія [4]).

[1]) Арх. Ор. Пал. столб. 195 г. № 207 и книга № 413.

[2]) Такъ-же кн. № 464.

[3]) Забѣлинъ. Домаш. бытъ русск. царей, изд. 3, стр. 397.

[4]) Въ росписи 1675 г. оружейнымъ всякимъ *подноснымъ* дѣламъ упоминаются: „знамя, писано на *бѣлой* камкѣ, государскіе гербы, по каймамъ оружейная бронь, писалъ живописецъ Иванъ Безминъ. При этомъ имѣется отмѣтка: *снесено* (къ Государю вверхъ). Въ царскихъ хоромахъ Коломенскаго дворца хранилось въ концѣ XVII в., какъ видно изъ описи: „знамя, въ серединѣ таета *бѣлая*, окладки *алые*, въ окладкѣ—образъ Спаса Нерукотвореннаго, въ срединѣ *орелъ двоеглавой*, писанъ *золотомъ* и краски“ (Забѣлинъ l. c., стр. 476, 725).

Для насъ особенно важно, что Петръ Великій не только сохранялъ въ началѣ своего царствованія традиціонное *бѣлое* знамя съ *золотымъ* орломъ своего отца и дѣда, но распространилъ эти цвѣта и на первый русскій торговый флагъ, установивъ таковой въ 1693 году въ жалованной грамотѣ Францу Тиммерману бѣлымъ съ изображеніемъ на срединѣ черною матеріею, (въ отличіе отъ *золотого* на государственномъ знамени), герба Его Царскаго Величества Россійскаго царствія, двоеглаваго орла съ тремя надъ ними вѣнцами, а въ его ногахъ—скипетра и яблока съ крестомъ *золоченыхъ*. Флагъ этотъ на торговыхъ судахъ просуществовалъ, какъ извѣстно, до 1700 г., когда Петръ Великій ввелъ новый *Андреевскій* флагъ, тоже *бѣлый*, но съ синимъ Андреевскимъ крестомъ—для военнаго флота, а прежній трехъцвѣтный бѣло-сине-красный, примѣнявшійся до тѣхъ поръ на военныхъ судахъ—для коммерческаго. Извѣстно также, что въ первыхъ полкахъ Петровской гвардіи, Преображенскомъ и Семеновскомъ, *полковыя* знамена, пожалованныя имъ Царемъ въ 1701 году, были *бѣлыми*, съ изображеніемъ ордена св. Андрея Первозваннаго между двухъ пальмовыхъ вѣтвей. (Эти *полковыя* бѣлыя знамена не слѣдуетъ смѣшивать съ 15-ю цвѣтными, которыя тогда-же были даны этимъ же полкамъ, какъ ротныя). Что же касается установленія Петромъ I перваго русскаго Императорскаго штандарта „по Россійскому гербу“, которое послѣдовало около 1703 года, а также окончательной выработки геральдическихъ цвѣтовъ Государственнаго герба, законченной учрежденною Петромъ I особою геральдическою коммиссіею лишь около 1726 года, то эти измѣненія уже выходятъ изъ предѣловъ разсмотрѣннаго нами вопроса *о государственныхъ цвѣтахъ древней, до-Петровской Россіи*.

Всѣ вышеприведенные историческіе факты позволяютъ намъ придти къ слѣдующимъ заключеніямъ относительно нашего *древняго государственнаго знамени*.

Царскія гербовыя знамена, насколько намъ извѣстно, появляются въ Россіи не раньше начала XVII вѣка. Цвѣтъ ихъ для государственнаго знамени, (называвшагося обыкновенно царскимъ *гербовымъ*, а иногда *ясачнымъ*) неизмѣнно

бѣлый, иногда съ *красною* (червленою, алою) каймою вокругъ знамени. Государственный двуглавый орелъ изображается на государственномъ гербовомъ знамени обыкновенно *золотымъ*, рѣже *чернымъ*.

Государственная эмблема двуглаваго орла до конца XVII вѣка встрѣчается, кромѣ царскаго гербоваго знамени, также и на нѣкоторыхъ другихъ *важнѣйшихъ* знаменахъ, каковы, напримѣръ, жалованныя Донскому и Запорожскому войску. Въ концѣ XVII вѣка двуглавый орелъ начинаетъ изображаться и на главнѣйшихъ стрѣлецкихъ и другихъ полковыхъ знаменахъ, но эти послѣднія не имѣютъ строго геральдическаго характера и получаютъ всевозможные различительные цвѣта и поэтому не могли быть смѣшиваемы съ государственнымъ.

Отсюда можно сдѣлать тотъ окончательный выводъ, что *государственными цвѣтами древней Россіи* могутъ быть признаны: *бѣлый* и *багряно-красный* (червленый) для поля знамени, или герба, (причемъ *красною* изображалась кайма знамени, а середина—*бѣлою*) и *золотой*, или *черный*—для изображенія двуглаваго орла. Что же касается изображавшагося на груди орла Московскаго герба: всадника на конѣ, колющаго змія (ѣздца), то онъ писался обыкновенно въ натуральныхъ цвѣтахъ и не получилъ до XVIII вѣка окончательной геральдической стилизаціи. Впрочемъ цвѣтъ коня обыкновенно изображался бѣлымъ.

Такъ называемые государственные или національные цвѣта по правиламъ геральдики обыкновенно выводились изъ *гербовыхъ* цвѣтовъ государства, причемъ старинная геральдика держалась правила: избирать не болѣе двухъ элементовъ для государственнаго знамени, а именно одного геральдическаго *цвѣта* (финифти) и одного *металла* [1]). На этомъ основаніи

[1]) Приводимъ это правило, какъ оно излагается извѣстнымъ нѣмецкимъ геральдистомъ Геффнеромъ въ его Handbuch der theoret. u. pract. Heraldik II. p. 239. München 1863. Такъ называемые *государственные* или *національные* цвѣта (Landesfarben), говоритъ онъ, какъ всѣ гербовые цвѣта (Wappenfarben) вообще принято *согласовать* съ *главными цвѣтами государственнаго герба* и, по правилу, таковыхъ должно быть *два*: *одинъ цвѣтъ* и *одинъ металлъ*. Болѣе новыя государства примѣняютъ *три* цвѣта, такъ называемые *трикколоры*, (таковы Франція, Бельгія, Нидерланды).

установлена была у насъ Императоромъ Павломъ I *двухъцвѣтная*: *черная съ золотомъ* (*желтымъ*) кокарда. Къ ней Императоромъ Александромъ I въ 1814 году присоединенъ былъ третій цвѣтъ, или вѣрнѣе металлъ — *бѣлый* (*серебряный*), всегда признававшійся цвѣтомъ кокарды Петра Великаго. Какъ мы видѣли, этотъ бѣлый цвѣтъ являлся преобладающимъ въ государственномъ гербѣ Россіи въ XVII вѣкѣ. Что же касается *червленаго* цвѣта, сохранившагося въ настоящее время только въ щитовомъ полѣ Московскаго герба, то таковой въ старину имѣлъ у насъ свои исконныя основанія. Мы уже имѣли случай упоминать выше о томъ, что *багряно-красный* цвѣтъ (царской порфиры) въ древней Византіи признавался наиболѣе почетнымъ государственнымъ цвѣтомъ. Вотъ почему и въ Московскомъ государствѣ со временъ Іоанна III, принявшаго гербомъ своего царства византійскаго двуглаваго орла, цвѣтъ царской багряницы могъ получить такое преобладающее символическое значеніе.

Западный обычай употреблять гербовые значки или банніеры вызвалъ себѣ нѣкоторое подражаніе и у насъ въ Россіи, когда европейская геральдика стала проникать къ намъ чрезъ Польшу, а также и непосредственно чрезъ многочисленныхъ иноземцевъ, служившихъ въ Московскомъ войскѣ. Какъ мы видѣли, этимъ наемнымъ иноземцамъ разрѣшалось въ своихъ частяхъ имѣть полковыя и ротныя знамена собственнаго образца, съ различными геральдическими изображеніями.

Таковы напр. иноземскія знамена и значки съ эмблемами льва, единорога, грифа, химеры, китовраса и др., сохраняющіеся донынѣ въ Московской Оружейной Палатѣ.

Съ начала XVII вѣка появляются у насъ, также по примѣру Польши, такъ называемые *прапоры* или небольшія знамена съ длинными косицами, которыя употреблялись, какъ значки личные, родовитыми начальными людьми. Въ періодъ междуцарствія многіе бояре имѣли, по польскому обычаю, не только свои прапоры, но и знамена. Изъ послѣднихъ можно

указать на сохранившееся историческое знамя кн. Пожарскаго въ Оружейной Палатѣ [1]).

По словамъ Жолкевскаго, прапоръ князя Дмитрія Шуйскаго былъ камчатый съ золотомъ [2]). Что такіе прапоры были въ то время весьма распространены у насъ, видно, напр., изъ того, что въ 1614 году, по архивному извѣстію, Голландскіе Штаты прислали въ даръ царю Михаилу Ѳедоровичу чрезъ ѣздившаго туда царскаго посла Степана Ушакова „два прапора: одинъ, по *бѣлой* камкѣ орелъ *черн*ъ, пластаной, другой прапоръ-камка *червчата*, на немъ выбиванъ человѣкъ съ копьемъ, по краямъ бахрома съ *золотомъ*, а у нихъ древцы *черны*, навожены *золотомъ* [3]).

Въ этомъ извѣстіи заслуживаетъ особеннаго вниманія то, что въ одной изъ странъ западной Европы, гдѣ геральдика была въ это время въ полномъ расцвѣтѣ, Московскій гербъ на *царскомъ прапорѣ* изобразили именно въ этихъ двухъ цвѣтахъ, т. е. орла *черным*ъ на *бѣлом*ъ полѣ, а второму прапору дали третій царскій цвѣтъ-*червленый* и притомъ съ *золотыми* бахромами.

Царскіе прапоры, вошедшіе въ обычай въ XVII вѣкѣ, строились изъ шелковыхъ тканей различныхъ цвѣтовъ и были шитые, или писаные золотомъ, серебромъ и красками. Они бывали двухъ родовъ: одни слѣдовали въ походахъ вмѣстѣ съ казною Государя при обозѣ—эти прапоры имѣли по два откоса, на нихъ съ обѣихъ сторонъ изображался *золотой* двуглавый орелъ, а на откосахъ писались: солнце, луна, звѣзды, а также разныя баснословныя животныя. Другой родъ прапоровъ, водружавшихся на царскихъ походныхъ шатрахъ, по примѣру Византіи, имѣлъ, кажется, значеніе штандарта и дѣлался объ одномъ откосѣ и въ нѣсколько меньшихъ размѣрахъ. Этотъ *шатровый* прапоръ носилъ также изображеніе двуглаваго орла съ корунами и другими укра-

---

[1]) Знамя это *багряно-краснаго* цвѣта; на одной сторонѣ его написанъ Нерукотворенный Спасовъ образъ, а на обратной, *явленіе* Архистратила Михаила Іисусу Навину.

[2]) Карамзинъ. Исторія Россіи т. XI примѣч. 542.

[3]) Арх. Оруж. Палаты столб. 1614 г.

шеніями и фигурами, при чемъ имѣлъ цвѣтъ поля— *бѣлый* [1]).

Возвращаясь къ гербовымъ знаменамъ и прапорамъ знатныхъ лицъ, упомянемъ еще о появившемся у насъ съ XVIII вѣка обычаѣ, въ силу котораго подобные знамена и прапоры сопровождали царскихъ пословъ, когда они отправлялись на дипломатическіе съѣзды съ представителями иностранныхъ державъ.

Намъ извѣстенъ подобный случай съ полною обстоятельностью, благодаря сохраняющимся въ Оружейной Палатѣ двумъ такимъ прапорамъ боярина Василія Семеновича Волынскаго, служившимъ ему знаками его достоинства, какъ царскаго посла, на Андрусовскомъ и Мигловичскомъ посольскихъ съѣздахъ съ Поляками. Оба эти посольскіе прапора сдѣланы изъ темно-красной (червчатой) шелковой тафты. На большемъ изъ нихъ, имѣющихъ форму небольшого знамени съ двумя откосами, изображеніе явленія св. животворящаго креста колѣнопреклоненному царю Константину, съ надписью: „Симъ побѣдиши“, а ниже — подпись латинскими буквами: „*Snamie Basily Siémonewitz Wolynskiego*“. По откосамъ этого прапора разсыпаны золотыя звѣзды. На другомъ, меньшемъ прапорѣ, имѣющемъ форму значка о двухъ косицахъ (одна утрачена), мы встрѣчаемъ весьма излюбленное въ XVII вѣкѣ въ Московскомъ царскомъ бытѣ изображеніе такъ наз. „*Цареградскаго видѣнія*“: парящаго одноглаваго орла, который борется со зміемъ. Это изображеніе заимствовано изъ византійскихъ легендъ и символизируетъ побѣду Христіанства надъ Исламомъ; вокругъ него помѣщены иниціалы посла, а на косицахъ геральдическія изображенія морскихъ сиренъ [1]). Имѣется въ Оружейной Палатѣ еще нѣсколько подобныхъ прапоровъ, исторія которыхъ, къ сожалѣнію, неизвѣстна, что лишаетъ возможности судить, назначались ли они для мирныхъ, или же для военныхъ цѣлей.

Но, безъ сомнѣнія, особенный интересъ и значеніе имѣетъ

---

[1]) Оруж. Палата № 4199.

[1]) Оруж. Пал. прапоры №№ 4200 и 4201.

для насъ извѣстіе о гербовомъ прапорѣ одного изъ представителей *царствующаго дома Романовыхъ* въ XVII вѣкѣ, а именно дяди царя Алексѣя Михайловича, боярина Никиты Ивановича. Въ старинной описи царской оружейной казны того времени упоминается между прочимъ: „прапоръ, средина—тафта *бѣлая*, вшитъ грифъ—тафта *желтая*, съ мечемъ, въ лѣвой лапѣ держитъ клеймо (щитокъ): повыше клейма писанъ орликъ *черный*; опушка, вшита въ *червчатую* тафту, тафта *желтая*. Откоски—объярь *черная*, писаны главы львовы *золотомъ* и *серебромъ*; опушки—тафта разныхъ цвѣтовъ. Гротикъ желѣзный прорѣзанъ. Древко по *бѣлой* землѣ писано разными красками. По ярлыку написано: *прапоръ боярина Никиты Ивановича Романова*“ [2]).

Нельзя здѣсь не остановить вниманія на поразительномъ, и едва ли случайномъ совпаденіи геральдическихъ цвѣтовъ родового герба Романовыхъ (такъ наз. *Hausfarben*, по выраженію наиболѣе разработанной, нѣмецкой геральдики) съ вышеупомянутыми цвѣтами царскаго гербоваго знамени XVII вѣка: и здѣсь, въ родовомъ Романовскомъ гербовомъ прапорѣ, мы встрѣчаемъ тѣ-же, что и въ государственномъ знамени, финифти: *черную* и *червленую* (красную) и металлы: *бѣлый* (серебро) и *желтый* (золото). Замѣтимъ при этомъ, что во многихъ государствахъ западной Европы, особенно въ старину, государственные цвѣта совпадали съ родовыми цвѣтами царствующаго дома. (Изъ современныхъ примѣровъ можно указать въ германскомъ національномъ флагѣ черный и бѣлый—цвѣта Гогенцоллерновъ, соединенные съ краснымъ).

Въ заключеніе нашего изслѣдованія о геральдическихъ знаменахъ въ связи съ вопросомъ о государственныхъ цвѣтахъ древней Россіи позволимъ себѣ высказать наше личное убѣжденіе относительно важности правильно установить цвѣта государственнаго флага, который вмѣстѣ съ тѣмъ является и народнымъ. Во всѣхъ тѣхъ государствахъ, гдѣ не порвана связь со славными традиціями прошлаго страны, гербъ государства почитается драгоцѣнною для народа святынею, симво-

---

[2]) Вельтманъ М. Оруж. Палата 2 изд. 1860 стр. 224—25.

лически выражающею могущество и незыблемость его основъ. Отсюда слѣдуетъ, что государственныя, т. е. гербовыя цвѣта являются вмѣстѣ съ тѣмъ и цвѣтами народнаго патріотическаго флага, который выражаетъ такъ много для всякаго вѣрнаго сына родины. Значеніе этого флага у насъ въ Россіи всегда было и будетъ: *„за Царя и отечество“*.

Московскій Кремль.
12 Ноября 1910.